

КТО К КОМУ ИДЕТ НА ПИР, ИЛИ О «ПОРЧЕ» ПОСЛОВИЦ В ПЛАТОНОВСКОМ «ПИРЕ» (SMP. 174A3–C7)

И. А. ПРОТОПОПОВА

Российский государственный гуманитарный университет
plotinus70@gmail.com

IRINA PROTOPOPOVA

Russian State University for the Humanities, Moscow

WHO GOES TO WHOM FOR THE FEAST,

OR ON CORRUPTION OF PROVERBS IN PLATO'S *SYMPOSIUM* (SMP. 174A3-C7)

Abstract. The article analyzes the meaning of a passage from Plato's dialogue *Symposium*, where Socrates modifies ("spoils") the proverb about "the good ones", who go to the feast without an invitation (Smp. 174a3-c7). The author indicates the textual problems related to this proverb and notes at least two versions of it in existence in Plato's time. The main attention is paid to these two questions: 1) which version of the proverb and how exactly does Socrates distort, and, according to him, also did Homer? 2) what point, above all a philosophical one, may be traced in this passage, given the context of the dialogue as a whole? The author offers her own interpretation based on the view that the leitmotif of the dialogue is the theme of ὑβρις put in terms of inversion (including turns and reversals in wordings and actions of the characters, Socrates above all. Appraising the functions of this passage's keywords, διαφθείρω, μεταβάλλω, and ὑβρίζω, in the *Symposium* and other dialogues of Plato, the author shows how this theme is reflected in a "philosophical-erotic" semantics of the *Symposium*, which is closely associated here with dialectics.

Keywords: Plato, dialogue *Symposium*, Socrates, proverb, ὑβρις, inversion, erotic, dialectic.

* Работа выполнена в рамках Федерального государственного задания № 2890 «Когнитивный подход к интерпретации диалогов Платона».

В прологе «Пира» Аполлodor пересказывает неназванным «друзьям» рассказ Аристодема, непосредственного участника пира у Агафона. Начинается он с того, что Аристодем встречает Сократа, который выглядит непривычно: он умыт и в сандалиях, что с ним случалось редко.¹ Аристодем

---

¹Ἐφη γάρ οἱ Σωκράτη ἐντυχεῖν λελουμένον τε καὶ τὰς βλαύτας ὑποδεδεμένον, ἃ ἐκεῖνος ὀλιγάκις ἐποίει (174a3-4; здесь и далее все тексты Платона даются по изданиям Бернет). О немьгтых ΣΧΟΛΗ Vol. 10. 2 (2016)

спрашивает, куда Сократ идет такой красивый, а тот отвечает, что на пир к Агафону – тот накануне выиграл состязания трагических поэтов, но Сократ на торжество не пошел, испугавшись толпы, а сегодня обещал быть. И вот он «украсился, чтобы прекрасным идти к прекрасному» (ταῦτα δὴ ἐκαλλωπισάμην, ἵνα καλὸς παρὰ καλὸν ἴω; 174a6-9). Тут же Сократ спрашивает, не желает ли Аристодем пойти на пир незванным (ἄκλητος). Вообще-то персонаж, ходящий по пирам без приглашения, назывался γελωτοποιός, «смехотворец», он смешил гостей за еду и выпивку; Ксенофонт в своем «Пире» описывает поведение такого гостя, Филиппа (Xen. Smp. I 11–16): тот говорит, что посчитал более смешным прийти на обед незванным, чем званным.² Однако Аристодем настолько предан Сократу и доверяет ему во всем, что соглашается на роль незванного гостя: «Как ты прикажешь», – отвечает он (174b2).³

Вот тут Сократ и говорит о поговорке, которая нас интересует (174b3–c7):

«Ну так пойдём и *испортим* поговорку, *перевернув* ее так, что к Агафону на пиры без приглашенья идут *благие* (ἵνα καὶ τὴν παροιμίαν διαφθείρωμεν μεταβαλόντες, ὡς ἄρα καὶ Ἄγαθων' ἐπὶ δαίτας ἴασιν αὐτόματοι ἀγαθοί). А Гомер, кажется, не только *испортил* (διαφθεῖραι) эту поговорку, но и *надругался* (ὑβρίσαι) над ней. Сделав Агамемнона в высшей степени доблестным (“благим”; διαφερόντως ἀγαθὸν ἄνδρα) в воинских делах, он заставил Менелая, “слабого копейщика” (“μαλθακὸν αἰχμητήν”), незванным идти к Агамемнону, когда тот устраивал жертвоприношение и пир, то есть заставил худшего идти к лучшему. Выслушав, Аристодем ответил: “Боюсь, что не по твоим

философах и Сократе как одним из них говорится у Аристофана (Av. 1554, Coulon-van Daele 1928; Nub. 835ff, Dover 1968). О привычке Сократа ходить босиком см. Smp. 220b, Phdr. 229a3. Подражающий ему Аристодем всегда босоногий (Smp. 173b2).

² Ὅτι μὲν γελωτοποιός εἰμι ἴστε πάντες· ἤκω δὲ προθύμως νομίσας γελοϊότερον εἶναι τὸ ἄκλητον ἢ τὸ κεκλημένον ἐλθεῖν ἐπὶ τὸ δεῖπνον (Xen. Smp. I 13 2–4, Marchant). Бэри говорит, что впервые стал называть этих персонажей «паразитами» (παράσιτος), по всей видимости, комический поэт Арар, сын Аристофана (Vugy 1909, 7).

³ О незваных гостях пишет Плутарх, называя их «теньями» и приводя в пример наш фрагмент с Аристодемом (Plut. Q. Conv. VII 6.707 Hubert): «В связи с этим у нас возник вопрос о том, откуда пошел обычай для приглашенных в гости приводить с собой спутника: мы теперь таких получивших приглашение от тех, кто приглашен самим хозяином, называем теньями. Было высказано мнение, что начало этому положил Сократ, убедивший Аристодема незванным пойти с ним в гости к Агафону. При этом возникло смешное положение: Сократ по дороге незаметно отстал, и Аристодем появился как тень, идущая впереди тела, за которым находится источник света» (пер. Я. М. Боровского).

словам, а по Гомеровым пойду я, ничтожный (φάυλος ὤν), незванным (ἄκλητος) на пир к мудрецу (σοφοῦ ἀνδρὸς)».

О смысле этого фрагмента до сих пор спорят исследователи и комментаторы (см., напр., Вуру 1909, 8–9, Dover 1980, 81). Попробуем включиться в это обсуждение, поставив два вопроса:

1) какую пословицу и как именно искажает Сократ и, по его словам, Гомер?

2) какой смысл, прежде всего философский, можно обнаружить в этом фрагменте в контексте всего диалога?

Для начала посмотрим, как звучала пословица в изначальном виде. Судя по всему, существовали две главные ее формы:

1) αὐτόματοι δ' ἀγαθοὶ ἀγαθῶν ἐπὶ δαίτας ἴασιν (Athen. Deipn. 5.5.19 Kaibel).

«Без приглашенья благие к благим идут на пиры».

2) αὐτόματοι ἀγαθοὶ δειλῶν ἐπὶ δαίτας ἴασιν (Athen. Deipn. 5.5.21 Kaibel).

«Без приглашенья благие к низким (“дурным”, “худшим”) идут на пиры».

В комментариях и схолиях по этому вопросу наблюдается большая путаница. Схолиаст говорит, что изначальным был вариант 2), который Евполид или Кратин изменили на вариант 1) (Schol. ad. H., Greene). Другую версию предлагает, например, Зенобий, у которого изначальным является вариант 1): он пишет, что Гераклит использует эту пословицу, передавая слова Геракла, идущего на пир к Кеику, а Евполид передает ее как вариант 2). Платон, по мнению Зенобия, использует именно вариант Евполида.⁴ Один из издателей «Пира» Хуг, проделавший целое исследование по этому поводу, убедительно, по мнению Бэри, показывает, что все обстояло так, как написано у Зенобия, и вариант 2) – это переделка Евполида (Вуру 1909, 8).

Но нам, в принципе, не так важно, какой вариант пословицы первичен, а какой вторичен; важнее понять, в чем заключается *порча* Сократом того или иного варианта.

Предположим, что вариант, который *портит* Сократ, – это 1), т.е. *благие идут к благим*, тогда *порча* заключается только в изменении порядка слов: «αὐτόματοι ἀγαθοὶ» перемещается в конец фразы, а в начале стоит ἀγαθῶν, «благих». Это, действительно, укладывается в смысл *переворачивания* (μεταβαλόντες) с точки зрения перемены мест, причем совершенной механической; однако *порчей* это назвать трудно.

⁴ Αὐτόματοι δ' ἀγαθοὶ ἀγαθῶν ἐπὶ δαίτας ἴενται: οὕτως Ἡράκλειτος ἐχρήσατο τῇ παροιμίᾳ, ὡς Ἡρακλέους ἐπιφοιτήσαντος ἐπὶ τὴν οἰκίαν Κήρυκος τοῦ Τραχινίου, καὶ οὕτως εἰπόντος. Εὐπολις δὲ ἐν Χρυσῷ γένοιε ἐτέρως φησὶν ἔχειν τὴν παροιμίαν· Αὐτόματοι δ' ἀγαθοὶ δειλῶν ἐπὶ δαίτας ἴασιν. Καὶ ὁ Πλάτων ἐν τῷ Συμποσίῳ οὕτως αὐτῇ ἐχρήσατο (Zenob. II 9 2-7, 36-37, Leutsch, Schneidewin).

В рукописях В (codex Bodleianus) и Т (codex Venetus) в начале фразы стоит ἀγαθῶν, однако многие издатели (напр., Бэри, Бернет) принимают исправление К. Лахманна, сделанное им в предисловии к изданию Бабрия (Lachmann, 1845). Вместо генетива множ. числа ἀγαθῶν (благих) он ставит имя Агафона в дативе, меняя ударение (Ἀγάθων'), так что получается: идем на пиры к Агафону. Чтение предполагает, что Сократ, чтобы подчеркнуть игру слов и *переворачивание*, ставит имя Агафона в эмфатически первую позицию.

Эмэндация изящная, оправдана характерной для Платона игрой и соответствующим контекстом. При этом Лахманн отклоняет сопоставление этого варианта поговорки с переделкой Евполида, что, на наш взгляд, обедняет пародийный платоновский контекст.⁵ Ведь в таком случае о *порче* говорить сложно: «благих» просто заменили «Агафоном», т. е. «благим». Поэтому мы скорее согласны с Бэри, который говорит, что какой бы вариант бытования пословицы ни был изначальным, слова Платона о *порче* можно понять, если подразумевался вариант 2), где благие без приглашения идут на пиры к худшим: *порча пародии* как «мудрой пословицы» – часть игровой демонстрации Сократовой иронии (Vigu 1909, 9).

Мы полагаем, что Платон имел в виду оба варианта, поскольку в таком случае его игра «работает» в обе стороны. Во-первых, в любом случае изменяется порядок слов; во-вторых, если «фоном» является вариант 1), то абстрактные «благие» заменяются конкретным Агафоном; если же тут еще «просвечивает» вариант 2), Агафон как бы встает на место «δειλῶν», заменяет их словно в уравнении, т. е. подспудно ему вменяется некая «низость». И вот это как раз лучше всего укладывается в контекст *порчи* и *переворачивания*: διαφθείρωμεν μεταβαλόντες.

Это подтверждается следующей фразой насчет Гомера. Здесь Сократ усиливает семантику *порчи*, говоря, что Гомер не только *испортил* (διαφθείραι) поговорку, но даже *надругался* (ὕβρισα) над ней. Если мы имеем

---

⁵ «После того как я закончил писать это, не закончило сбываться по пословице, αὐτόματοι δ' ἀγαθοί. Предпочту, однако, добавить и прочее, написанное дальше Гесиодом, ἀγαθῶν ἐπὶ δαίτας ἔνται, чтобы не воспринял кто наши слова столь же превратно, как многие восприняли шутку платоновского Сократа: ведь тот пошутил в том смысле, что Ἀγάθων' ἐπὶ δαίτας ἴσιν, а толкователи непонятно почему посчитали нужным соотнести это с пародией [букв. «язвительностью»] Евполида, который выдал δειλῶν ἐπὶ δαίτας. Итак, мы эту пародию отклоняем, от своего и от пирующих имени» (пер. А. Гараджи). Добавим, что Гераклита на Гесиода у Зенобия предложил исправить издатель последнего Шнейдевин в Bergk 1837, 440, на что и ориентируется Лахманн; это исправление принято и в издании фрагментов Гесиода Merkelbach, West 1967.

в виду «благие идут к благим», то *надругательство* заключается в том, что менее доблестный Менелай идет без приглашения к храброму воину Агамемнону, т. е. Менелай здесь делается благим, Агамемнон же благим и остается. Ничего особо гибридного в таком варианте нет. Если же испорчен вариант «благие идут к худшим», то это действительно дерзость, *гибрис* со стороны Гомера, поскольку худшие и лучшие, *δειλοί* и *ἀγαθοί*, полностью меняются местами: «слабый копейщик» Менелай занимает место лучших, благих, а доблестный Агамемнон – место худших.

Полагаем, гибрис здесь именно в этом, что косвенно подтверждает и Аристодем, который говорит, что пойдет на пир не по Сократовым словам, а по Гомеровым: *незванный к мудрому*. Агафона назвать мудрецом достаточно сложно, и дальше в диалоге его мудрость будет подвергнута если не осмеянию, то сомнению, а в состязании двух типов мудрости – риторически-театральной Агафона и философской Сократа – победителем выйдет Сократ. Таким образом, здесь снова звучит подспудная насмешка над теми, кого принято называть *благими* и *мудрыми*, и переворачивание смысла проходит по типу «последние будут первыми», то есть благими оказываются низкие, а низкие – благими.

Именно эту версию поддерживает в своей статье Томас Уортен (Worthen 1999). Он считает ключом к пониманию этого фрагмента слова, предшествующие пословице, когда Сократ говорит, что он *прекрасный идет к прекрасному* (174а6–9), т. е. к Агафону. Очевидно, что эта игра слов продолжается дальше, когда он, переиначивая поговорку, говорит, что *благие идут к Агафону*. Смысл тут в обыгрывании имени Агафона и его соответствия самому персонажу, который одновременно воплощает и красоту: Сократ идет не только к «прекрасному», но и к «благу». Мы знаем, что *прекрасное* и *благо* в речи Диотимы, пересказанной Сократом, оказываются главными философскими темами диалога, и Уортен обращает внимание на то, что Диотима прямо предлагает Сократу заменить слово «прекрасное» словом «благо» (204е1). По мнению Уортена, смысл здесь такой: от *внешне-красивого* необходимо перейти к *внутренне-благому*, и в диалоге как раз происходит своего рода «обмен местами» персонажей, символизирующих благо и красоту. Уортен считает, что красавец Агафон не достоин своего имени как «благого», а некрасивый Аристодем, наоборот, приближается к этому, не говоря уж о Сократе, и на описанном пиру только Сократ и Аристодем оказываются поистине благими, *ἀγαθοί*; в этом и состоит главное изменение и главная порча пословицы.

Соглашаясь с такой интерпретацией Уортена, попробуем добавить к этому еще несколько смысловых акцентов. Наша гипотеза заключается в

том, что *порча пародии* – ключ к *гибристической подоплеке* всего диалога. Какие слова используются для описания того, что Сократ и Гомер делают с поговоркой? Διαφθείρω, μεταβάλλω, ὑβρίζω: на наш взгляд, семантика этих трех слов и определяет смысл данного фрагмента и «Пира» в целом.⁶

Гибрис в диалоге «Пир» является лейтмотивом. В платоновском корпусе слова с корнем ὑβρ- встречаются 75 раз и в подавляющем большинстве употребляются в своих обычных словарных значениях «дерзость, наглость, разнузданность, глумление, оскорбление» и т. д. Однако в диалоге «Пир» их значение приобретает особый устойчивый акцент, связанный с семантикой инверсии, «оборотничества».⁷ Слова с корнем ὑβρ- относятся к Эроту Полигимнии, который всё портит и насылает различные природные катаклизмы (188a7); к Гомеру и одновременно к Сократу, портящим поговорку в нашем фрагменте (174b6); к Сократу из-за его иронии в отношении собственной мудрости (175e7); из-за его сходства с сатиром Марсием и силенами (215b8); из-за его насмешки над красотой Алкивиада (219c6); из-за сходства его речей со шкурой «гибриста» сатира (221e3–4); из-за того, что он «переворачивает» свое поведение с юношами, превращаясь из их поклонника в «объект» стремления (222a8).

Во всех этих случаях *порча* и *гибрис* так или иначе связаны с *переменной, переворачиванием*. «Перевертыши» как некое нарушение порядка реализуются в «Пире» изменением очередности речей Эриксимаха и Аристофана, вызванном, кстати, именно гибристическим поведением Аристофана (его икота как действие Эрота-гибриста является своеобразной «драматургической» иллюстрацией речи Эриксимаха⁸); физической переменной мест персонажей, когда в споре о пересаживаниях Алкивиада, Агафона и Сократа последний подспудно (но «дерзко») дает понять, что считает себя Эротом: он говорит, что если Агафон пересядет, то ему придется воздавать Сократу хвалу во второй раз (222d–223b). В содержании речей симпозиастов тоже всплывают разные аспекты инверсии и гибриста: в

⁶ Приведем некоторые важные для нашей темы значения слов. Διαφθείρω: разрушать; уничтожать, опустошать; убивать, умерщвлять; разрушать, повреждать, портить; искажать, извращать; совращать, развращать (γυναῖκα; κόρη; τοὺς νέους). Μεταβάλλω: поворачивать; переделывать, (из)менять; (из)меняться; изменять мнение, образ действий, приняв другой вид. Ὑβρίζω: бесчинствовать, буйствовать; нагло вести себя, дурно обращаться; оскорблять, обижать. Ὑβρις: наглость, нахальство, дерзость, грубость, глумление; бесчинство, насилие, оскорбление.

⁷ О гибристе в «Пире» мы писали в ранее (Протопопова 2015 а и б) и некоторыми материалами этих работ пользуемся в данной статье.

⁸ Об эротически-обценных подтекстах икоты Аристофана см. Гараджа, Протопопова 2015, 99–106.

речи Эриксимаха, как уже было сказано, это Эрот-гибрист, нарушающий гармонию во вселенной; в речи Аристофана – древние шарообразные люди, дерзко выступающие против власти богов, т. е. установленного космического порядка. Но начинаются все эти гибристические порывы и перемены именно с эпизода пословицы: Сократ и Аристодем «портят» признанный порядок соответствия «худшие-лучшие», причем их появление на пиру является ярким примером инверсии: поскольку Сократ задержался до самой середины обеда, Аристодем пришел к Агафону первым, т. е., по словам Плутарха, «появился как тень, идущая впереди тела, за которым находится источник света» (см. прим. 3).

Итак, гибрис в «Пире» связан с инверсией, и главным гибристом и «оборотнем» оказывается здесь Сократ. Подчеркнём, что только в «Пире» Сократу устойчиво приписываются свойства «гибриста», причем в связи с разнообразными «оборачиваниями» смыслов: как заявляет Алкивиад, «что бы он ни говорил, всё обстоит наоборот» (214d1–2). В этой ситуации Сократ выступает *трикстером*, который все время двойится и оборачивается; он оказывается и паредром двойственного Эрота, и одновременно *медиатором* между противоположностями, как Эрот в речи Диотимы, посредник между богами и людьми, и как тот творец, который, по словам самого Сократа, должен одинаково хорошо писать и комедию, и трагедию (223d3–6).

Исходя из этого, вернемся к двум другим ключевым словам: διαφθείρω и μεταβάλλω.

В речи Эриксимаха все портит Эрот-гибрист, антипод Эрота, налаживающего в космосе любовь и гармонию. Здесь ὕβρις и διέφθειρέν употребляются рядом: ὅταν δὲ ὁ μετὰ τῆς ὕβρεως Ἔρωσ ἐγκρατέστερος περὶ τὰς τοῦ ἐνιαυτοῦ ὥρας γένηται, διέφθειρέν τε πολλὰ καὶ ἠδίκησεν (188a7–8). *Порча*, насылаемая Эротом-гибристом, выражается во всяческих природных катаклизмах. В нескольких платоновских диалогах слово διαφθείρω используется в смысле «порчи беседы» (Gorg. 495a7, Prot. 338d6–8), но для нас важнее, что διαφθείρω можно назвать техническим термином в *Апологии*, где Сократ защищается от обвинения в развращении (*порче*) юношей. Там это слово встречается 18 раз и практически везде имеет именно этот смысл. Мы знаем, что Сократа обвиняли не только в духовном развращении юношей, но и в физическом, например, Поликрат; Ю. А. Шичалин считает, что сцена с Алкивиадом в «Пире» написана как раз для того, чтобы защитить Сократа от таких обвинений (Шичалин 2013, 129–132). На наш взгляд, «гибристическая порча» в «Пире» имеет вполне явные эротические коннотации.

Теперь посмотрим на μεταβάλλω. В той же речи Эриксимах говорит, что для устранения болезни врач должен уметь заменить одно вожделение тела, один его эрос, на другой, и умеющий совершить такую *перемену* (ὁ μεταβάλλειν ποιῶν, ὥστε ἀντὶ τοῦ ἐτέρου ἔρωτος) – благой демиург (ἀγαθὸς ἂν εἴη δημιουργός) (186d3). Однако здесь подразумевается и философская подоплека такой медицинской перемены эросов, а под мастером, владеющим подобной *технэ*, – Сократ. Дальше Алкивиад в своем рассказе демонстрирует, как Сократ «меняет эрос» у него самого и у других юношей, как бы меняясь с ними ролями, оборачиваясь: сначала он выступает как их поклонник, *эраст*, а потом, наоборот, как *эромен*, объект поклонения. Именно из-за этого оборотничества Алкивиад и называет Сократа гибристом.

Однако смысл διαφθείρω, μεταβάλλω, ὑβρίζω здесь полностью инвертируется; общепринятый смысл развращения, притворства и глумления меняется на философский: юноши оказываются в *апории*, в которую их вгоняет непривычное поведение Сократа, издевающегося над обычаем отдавать физическую любовь красавцев в обмен на некую «мудрость» (что, например, считает совершенно нормальным Павсаний, если только партнеры ведут себя «порядочно», κοσμίως). Апория позволяет юношам, как Алкивиаду, увидеть в себе не только «объект» желания, но и «субъект», а это и есть главный философский поворот, μετάβασις, осуществляемый в *Пире* Сократом относительно философского Эрота: его невозможно без противоречий рассматривать как объект, нужно признать, что это прежде всего стремление и желание, вызванное нехваткой, а это возможно, только если опознать в себе «ничто» (οὐδὲν ὄν; 219a2), как заявляет Сократ Алкивиаду о самом себе.

Таким образом, гибрис Сократа меняет знак, и *гибрист*, «портящий» юношей, превращается в *благого демиурга*, заменяющего один эрос на другой, – и мы видим, что именно *порча пародиш*, т. е. *порча испорченного*, оказывается самым надежным методом. Здесь идут в ход διαφθείρω, μεταβάλλω и ὑβρίζω, заданные уже в начале диалога «гибристической порчей» нашей поговорки, где первые и последние меняются местами: этот эпизод можно назвать своего рода эмблемой всей оборотнической темы Пира.

Ну и напоследок еще об одном подтексте нашего фрагмента. Его можно сопоставить с тем местом из «Федра», где Сократ, рассказывая об Эроте и об истечениях красоты, приводящих душу в смятение и заставляющих расти «крылья души», приводит две стихотворные строки, причем вторую из них

он характеризует как невероятно дерзкую, «ὕβριστικὸν πάνυ» (Phdr. 252b4–9, пер. А. Н. Егунова):

*Люди прозвали его самого Эротом крылатым,
Боги ж – Птеротом, за то, что расти заставляет он крылья.*

Спрашивается, почему второй стих очень дерзкий, что же здесь особенно глумливого и грубого? При внимательном рассмотрении этого места из «Федра» оказывается, что подоплекой является эротически-обценный контекст, который гибритизирует, если можно так сказать, и все описание роста крыльев души, т. е. стоит только сместить оптику, и это читается как весьма откровенное эротическое описание (Протопопова, Гараджа 2015). Можно сказать, что здесь все двойится, противоположности просвечивают друг сквозь друга, парадоксальным зеркалом «возвышенного» Эрота оказывается Эрот-гибрист.

Такой эротический подтекст безусловно есть и в нашем фрагменте «Пира». Это связано со словом *μαλθαχὸν*, которым обозначается в эпизоде с поговоркой Менелай (174c1), а к нему приравнивает себя Аристодем, и этим же словом характеризуется чуть раньше Аполлодор (*μαλαχός*; 173d8). *Μαλαχός* означает «нежный», «мягкий», – и это соответствует описанию Аполлодора и Аристодема как слабых подражательных копий Сократа (Протопопова 2015в). В то же время, это слово – устойчивое обозначение пассивной гомосексуальной позиции (Suda s.v. *Κίναϊδος*: ἀσελγής, *μαλαχός*). При этом оба, Аполлодор и Аристодем, названы *ερασταми* Сократа, а не *ερομεнами*. Таким образом, налицо еще одна, эротически-обценная инверсия в духе Аристофана, когда эротическая семантика переплетается с философской и пассивная гомосексуальная роль превращается в активную философскую позицию: это именно то, что происходит с «развращенными» Сократом мальчиками, которые до этого подвергались ухаживаниям таких «благопристойных» поклонников, как Павсаний.

Ну и, наконец, *гибрис* и *порча* состоят в том, что Сократ и Гомер (в версии Платона) «портят» текст, меняя порядок нарратива, *играя* с ним, – в отличие от Аполлодора и Аристодема, которые могут только повторять заученные речи. Как говорят в своей книге о «Пире» близкие нам по духу современные исследователи, есть по крайней мере две версии рассказа о пире, одна *имитативная*, другая *гибристическая* (Corrigan, Glazov-Corrigan 2004, 14). Мы же добавим, что есть как минимум два типа чтения и толкования «Пира»: один – возвышенно-платонический, подразумеваемый школьной традицией и отбрасывающий всё «подозрительно-глумливое», и второй, игровой, связанный с диалектическим пониманием платоновской

философии. Именно подобному пониманию и помогают такие намеки и подсказки, как, например, намеренная и подчеркнутая порча пословиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гараджа, А. В., Протопопова И. А. (2015) «Convivii trivía: заметки по тексту платоновского *Пира*», *Платоновские исследования* 2, 83–116.
- Протопопова, И. А. (2015а) «Υβρις как инверсия “объекта” и “метода” в “Пире” Платона», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9.2, 373–379.
- Протопопова, И. А. (2015б) «Платоновский *Пир* как силен и андрогин», *Вестник РХГА* 4, 419–425.
- Протопопова, И. А., Гараджа, А. В. (2015) «Гюбрис в *Федре*: метрическая ошибка или “тайное” имя?» *Соловьевские исследования* 3, 39–48.
- Протопопова, И. А. (2015в) «*Μαλαχός* versus *μανικός* (о роли пересказа в платоновском «Пире»)», *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина* (серия «Философия») 1, 19–27.
- Шичалин, Ю. А. (2013) «Заметки к Платоновым *Апологии*, *Менексену* и *Пире*», *Платоновский сборник* 1, 117–140.
- Coulon, V., van Daele, M., ed. (1928) *Aristophane, Aves*, vol. 3. Paris: Les Belles Lettres.
- Bergk, T. (1838) *Commentationum de reliquiis comoediae Atticae antiquae libri duo*. Lipsiae.
- Burnet, J., ed. (1900–1903) *Platonis opera*, vols. 1–3. Oxford: Clarendon Press.
- Bury, J. ed. (1909). *The Symposium of Plato*. Cambridge: Heffer and Sons; London: Simpkin, Marshall and Co. Ltd.
- Corrigan, K., Glazov-Corrigan, E. (2004) *Plato's Dialectic at Play: Argument, Structure, and Myth in the Symposium*. Pennsylvania: University Park.
- Dover, K. J., ed. (1980) *Plato. Symposium*. Cambridge UP.
- Dover, K. J., ed. (1968) *Aristophanes. Clouds*. Oxford: Clarendon Press.
- Hubert, C., ed. (1938) Quaestiones convivales (612c-748d), *Plutarchi moralia*, vol. 4. Leipzig: Teubner.
- Kaibel, G., ed. (1887) *Deipnosophistae, Athenaei Naucraticae Deipnosopistarum libri xv*, 3 vols. Leipzig: Teubner, 1-2:1887; 3:1890.
- Lachmann, C., ed. (1845). *Babrii Fabulae Aesopeae*. Berolini: G. Reimeri.
- Leutsch, E. L. von, Schneidewin, F.G., ed. (1851) *Corpus paroemiographorum Graecorum*, vol. 1., Göttingen.
- Marchant, E.C., ed. (1921) *Symposium, Xenophontis opera omnia*, vol. 2, 2nd edn. Oxford: Clarendon Press.
- Merkelbach, R., West, M., ed. (1967) *Fragmenta Hesiodica*, Oxford.
- Greene, W. C., ed. (1938) *Scholia in Platonem (scholia vetera), Scholia Platonica*. Haverford, Pennsylvania: American Philological Association.
- Worthen, Th. D. (1999) “Socrates and Aristodemos, the αὐτόματοι ἀγαθοί of the Symposium: Gentlemen go to parties on their own say-so,” *New England Classical Journal* 26 (3), 15–21.